

*Екатерина Таширева***Как субкатегории могут быть вербализованы в языке:
латышский концепт «tokas» и русский концепт «мука»**

В последние несколько десятилетий человеческое познание изучается целым рядом научных дисциплин. Активно исследуются такие области, как восприятие, сознание, искусственный интеллект, структура мозга, эволюция разума и многие другие. Классической проблемой в области когнитивных исследований является связь между языком и мышлением. По словам когнитивного психолога Р. Солсо, возможны три основных подхода к человеческому мышлению: структурный, процессуальный и содержательный¹. Последний подход в основном используется когнитивной лингвистикой с применением различных методов языкового анализа.

В области когнитивной лингвистики возник анализ человеческих концептов. Как правило, термин *концепт* можно определить как базовую единицу человеческого знания, которая хранится в эпизодической и семантической памяти и является лучшим примером категории. Концепты обычно связаны со словами; таким образом, изучение значений слов способствует лучшему пониманию смыслов, образующих концепты. Процедура концептуального анализа на языковом материале обычно включает анализ лексикографических определений слова, контекстуальный анализ и ассоциативный эксперимент, а также обращает внимание на этимологию слова, синонимы и антонимы.

Существует значительный корпус литературы, посвященной исследованию концептов. В этой области можно выделить два основных подхода. Первый из них, разработанный в основном российскими когнитивными лингвистами, делает основной упор на статическое описание концептов, часто добавляя культурное измерение. В качестве наиболее ярких работ такого типа можно назвать *Константы. Словарь русской культуры* Ю. Степанова и *Антологию концептов*, изданную в восьми томах Воронежской школой лингвоконцептологии. Другой подход более типичен для европейских и американских исследователей и обычно подчеркивает динамическое состояние концептов, воспринимающихся как строительные блоки в таких когнитивных процессах, как принятие решений, концептуализация (приобретение новых знаний) и категоризация (определение природы различных явлений, с которыми человек сталкивается в своей повседневной жизни). Некоторые

¹ R. Solso, *Cognitive Psychology*, 8th Edition, Pearson, Harlow 2014.

из известных работ в этой области – *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* М. Тернера и Дж. Фоконье (подробный отчет о том, как на пересечении двух областей формируются новые концепты), *Metaphors We Live By* Г. Лакоффа и М. Джонсона (описание того, как возникают новые категории) и *A User's Guide to Thought and Meaning* Р. Джекендоффа. Возможно, единственным примером взгляда на концепт как статическую сущность является теория LCCM (лексический концепт, концептуальная модель) В. Эванса, изложенная в его *A Glossary of Cognitive Linguistics*.

Таким образом, обычно выделяется либо статический, либо динамический аспект. Противопоставление этих аспектов в некоторых случаях можно описать явно: «Концепт... предполагает фиксированное или статическое понятие, а концептуализация... предполагает динамичность»². Принимая во внимание общую тенденцию к преодолению аналитических, искусственно навязанных теоретических ограничений в области исследований человеческого разума (напр., см. критику Эллиса чисто лабораторных когнитивных исследований³), такое разделение выявляет пробел в существующей литературе о человеческих концептах.

В качестве одного из возможных способов решения проблемы описания концепта как целостной сущности, статической и динамической одновременно, можно рассматривать дальнейшее развитие теории таксономической организации Э. Рош⁴.

Согласно этой теории, человеческие категории организованы иерархически. Внутри иерархии можно выделить три основных вида категорий.

Категории более высокого уровня или суперкатегории включают в себя наиболее общие категории, такие как *объект*, *млекопитающее*, *действие*, *признак*. Обычно слова, соответствующие этим категориям, наименее информативны и требуют дополнительных пояснений.

Категории базового уровня – это категории, которые люди используют чаще всего. Слова, соответствующие этим категориям, обычно указывают на явления или объекты, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни, такие как *кошка*, *кресло*, *цветок*, *дом*, *прыгать*.

И, наконец, категории более низкого уровня или субкатегории – это категории, которые предоставляют дополнительную информацию об объектах и явлениях, определенных на уровне базовой категоризации, что приводит к уточнению информации, например, *трехцветная кошка*, *офисное кресло*, *парцисс*, *двухквартирный дом*, *прыгать с парашютом*.

² R.W. Langacker, *Cognitive Grammar: a Basic Introduction*, Oxford University Press, New York 2008, p. 46.

³ "Languages, usage, culture, and social experience are all ecological phenomena. They are emergent from complex adaptive systems—so much so that one can imagine that they are basically indivisible from their environments". N.C. Ellis, *Essentials of a Theory of Language Cognition*, "The Modern Language Journal" (National Federation of Modern Language Teachers Associations, Medford, Chichester, Singapore) 2019, vol. 103, pp. 39–60.

⁴ E. Rosch, B. Lloyd, *Cognition and Categorization*, Lawrence Erlbaum Associates, New York 1978.

В некоторых ситуациях выбор между категорией базового или подчиненного уровня зависит от уровня знаний⁵.

Представленный выше взгляд на таксономическую организацию человека, по-видимому, более статичен. Однако, обращая внимание не только на то, что сохраняется в настоящее время, но и на процессы, которые привели к текущему состоянию, исследователь может значительно расширить перспективу.

Одним из центральных процессов, вызывающих изменения в таксономической организации, является процесс субкатегоризации. Как правило, приобретение дополнительных знаний об объекте приводит к выявлению различных специфических признаков, то есть, к дальнейшему подразделению категории базового уровня. Например, изучение видов птиц приводит к использованию слов *малиновка*, *щегол*, *трясогузка* вместо менее специфичного слова *птица*. Этот процесс характерен не только для онтогенеза, когда человек приобретает новые знания в течение жизни, но и для филогенеза, когда человечество приобретает новые знания о мире. В последнем случае процесс субкатегоризации часто сопровождается созданием новых слов, как правило, посредством деривации. Словообразовательный аспект был одним из основных направлений ономаσιологической лингвистики и позднее был развит в работах Е. Кубряковой, посвященных анализу словообразовательных гнезд (например, в ее монографии *Язык и знание. На пути к получению знаний о языке: роль языка в познании мира*).

Другим способом выявления изменений, вызванных субкатегоризацией, является анализ того, как отдельные концепты и, соответственно, значения слов, которые их вербализуют, могут быть конкретизированы во время их использования. Наиболее частые способы конкретизации концептов в разнообразных контекстах использования могут пролить свет на различные стратегии субкатегоризации.

Цель данной статьи – показать, как субкатегоризируются русский концепт *мука* и латышский концепт *mokas*, путем анализа различных контекстов употребления выражающих их слов. Выявив основные тенденции их субкатегоризации, можно предсказать дальнейшее развитие этих концептов.

Метод

В исследовании был использован метод контекстуального анализа. Внимание уделялось только контекстам, включавшим слова *мука*, *мучение*, *мучиться* в русском языке и *mokas*, *rocības*, *rocīties* в латышском языке, то есть словам, которые чаще всего вербализуют соответствующие концепты и могут быть определены как их имена. Данные для этого исследования были собраны с использованием корпусов русского и латышского языков (*Национальный корпус русского языка* и *Сбалансированный корпус современного латышского языка*). При поиске данных были заданы два условия. Во-первых, данные были собраны только из текстов, написанных в период с 1950 по 2015 год. Выбор этих временных рамок позволяет пролить свет на более широкую перспективу развития концепта, при этом принимая во внимание только его последнюю стадию. Во-вторых, важным критерием отбора был функциональный стиль

⁵ G.L. Murphy, *The Big Book of Concepts*, MIT press, 2004, p. 230.

текстов. Для этого исследования были взяты данные только из художественных текстов. Причины этого следующие: 1. Их особый статус среди текстов других функциональных стилей, заключающийся в том, что они могут включать в себя элементы других стилей, тем самым предоставляя больше информации о содержании концепта; 2. Их нормативный характер (употребление слов в художественных текстах часто воспринимается как образцовое. Более того, читатель запоминает употребление слов, с которыми он сталкивается в тексте, и это может привести к изменению содержания концептов); 3. Их информативность в силу культурной значимости (поскольку художественные тексты обычно выражают культурно значимые ценности и смыслы, они могут предоставить подробную информацию о содержании концепта).

Кроме того, отобранные для целей данного исследования данные включали только примеры, развивающие значения слов до уровня субкатегорий.

Среди примеров, которые соответствовали этим условиям, для каждого из анализируемых слов случайным образом выбирались 50 контекстов употребления и определялись их контекстуальные значения. Чтобы исключить окказионализмы, дальнейший анализ проводился, только если определенное значение встречалось не менее пяти раз на 50 примеров в текстах, написанных разными авторами. После этого результаты анализа обобщались и были сделаны выводы.

Результаты

Исследование показало, что таксономическая организация человека, описанная в своем развитии, по-видимому, более расплывчата, чем предсказанные схемы. Может быть затруднительно определить, относится ли концепт к базовому уровню категоризации или к уровню субкатегорий. В некоторых случаях концепты, относимые к нижнему уровню категоризации, могут быть субкатегоризованы и далее, представляя собой дополнительный, еще более низкий уровень категоризации. Поэтому можно предположить, что процесс субкатегоризации может быть продолжен до выделения наименьших значимых элементов концепта, а потенциал субкатегоризации каждого концепта обусловлен богатством и изменчивостью смыслов, включенных в его структуру. Более того, контекст, по-видимому, является важным стимулом к субкатегоризации, что подтверждает мнение о недостаточности лабораторных экспериментов для объяснения целостной природы процессов в человеческом сознании.

Учитывая все упомянутое здесь, можно выбрать точку входа для анализа, чтобы проследить дальнейшие возможные пути субкатегоризации. В исследовании для этого использовались базовые лексикографические дефиниции слов *tokas* и *мука*. Лексикографические дефиниции были взяты из следующих словарей: *Современный толковый словарь русского языка*⁶ и *Словарь латвийского языка*⁷. Словари академического типа избегались намеренно из-за

⁶ С. А. Кузнецов, *Современный толковый словарь русского языка: более 90 000 слов и фразеол. выражений*, Норинт, Санкт-Петербург 2002, с. 362–365.

⁷ D. Guļevska, I. Rozenštrauha, D. Šnē, *Latviešu valodas vārdnīca: 30 000 pamatvārdu un to skaidrojumu*, Avots, Rīga 2006, 656–657 lpp.

их специфического понимания современного языка и как языка 19 в., что вызвало бы хронологическое противоречие между лексикографическими и текстовыми данными. Таким образом, исходный смысл понятий *tokas* и *мука*, выбранных для этого исследования, – «очень сильные физические и душевные страдания». Несмотря на возможность усомниться в том, что такой синкретический смысл можно считать частью категории базового уровня, это мнение может быть обосновано данными нейробиологии. Сообщалось, что на биологическом уровне физическая и душевная боль практически не имеют различий и вызваны активацией одной и той же зоны мозга⁸.

Двигаясь от точки входа к нижнему уровню субкатегоризации, этот синкретический смысл можно разделить на два концепта, каждый из которых возникает в определенной ситуации и актуализирован, в первую очередь, психическими или физическими обстоятельствами: «очень сильное физическое страдание» и «очень сильное душевное страдание». Примеры среди текстов, выбранных для анализа, подтверждают реальность такого разделения понятий:

Известно, что поэтов рождает несчастье и душевные муки, а муки у Мамурина были острее, чем у какого-нибудь другого арестанта. [А. Солженицын, В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968), «Новый Мир» 1990].

Es Elzas acis skatījos, kad viņa pie mana neesošā kapa mocījās. [G. Repše, Septiņi stāsti par mīlu (Vējam līdz), Pētergailis, Rīga 1999].

Жена Рувима шепотом молилась о том, чтобы ее и детей убили сразу, чтобы не было мучений, чтобы это все было сразу, быстро, чтобы ее и детей, и чтобы не мучиться, чтобы сразу, без мук, чтобы быстро; и снова про то, чтобы ее и детей – без мук. [В. Березин, Свидетель, «Знамя» 1998].

В русских текстах часто встречаются словосочетания, которые можно оценить как маркеры концепта «сильные душевные страдания»: *нравственные мучения, моральные мучения, душевные муки*. В то же время этот концепт может быть подразделен на субкатегории. Регулярно выделяют несколько видов душевных страданий:

- Душевные страдания, вызванные страхом: *И моё маленькое Я в сердцевине зыбкого всё тело скорчилось от муки страха. [Л. Улицкая, Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света], «Новый Мир» 2000]; Visu nakti grozīdamies un mētādamies, neapzinīgi biju mocījies ar bailēm: es pamostos par vēlu, pulkstenis nav zvanījis, es guļu tik cieši, ka zvanu nedzirdu, pulkstenis apstājies. [Z. Skujiņš, Vīrietis labākajos gados (1975)].*

- Муки совести: *В постоянной ли тоске по ней или в близости, соединённой с мучениями совести – покоя ему не будет. [В. Гроссман, Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]; Tu bezgalīgi būsi spiests domāt par to, ko varēji izdarīt, bet neizdarīji. Tur tu zināsi, kā bija*

⁸ E. Kross, M.G. Berman, W. Mischel, E.E. Smith, T.D. Wager, *Reply to Iannetti and Mouraux: What functional MRI responses to physical pain tell us about why social rejection "hurts"*, "Proceedings of the National Academy of Sciences" 2011, vol. 108, no. 30, <https://doi.org/10.1073/pnas.1107241108>.

*pareizi jādara, bet būs par vēlu. Tu esi izjutis lielas **sirdsapziņas mokas**? – Nu esmu. – Tādas, kurās jāklie dziesmu aiz sāpēm un jāraud nevis asarām, bet asinīm. [D. Priede, Kamenes uz stīgām, Karogs, Rīga 1997].*

- Душевные страдания, вызванные любовным чувством и ревностью: *Мы тайно ревновали ее друг к другу, **мучились от** неразделенной любви и надеялись на то, что она наконец полюбит избранного ею и этим, может быть, положит конец нашим душевным тревогам...* [В.А. Закруткин, Помненька (1946)]; *Un, ciezdams šīs **laimīgās mokas**, es pilnīgi skaidri sapratu, ka Maija man ir ar kartīgi vajadzīga, ka es nekad viņu neatsstāšu, vēl vairāk, ka bez viņas manai dzīvei nav nozīmes, ka es viņu milu tāz kā vēl nevienu neesmu mīlējis.* [Z. Skujiņš, Vīrietis labākajos gados (1975)].

- Страдания от неопределенности, ожидания: *И две перемены души вели к третьей: к нерешительности... **В нерешительности и мучениях** прошел еще месяц.* [Б. Евсеев, Евстигней, «Октябрь» 2010]; *Paradoksāli, bet pat pēc trīsdesmit septītas šādas sarunas es tā arī nespēju līdz galam noticēt, ka lēmums jāpieņem man pašai, un apbrīnojami neatlaidīgi turpināju mocīties šaubās.* (Dace Rukšāne, Beatrisēs gultas stāsti, Atēna, Rīga 2002).

Эти результаты показывают, что, в зависимости от ситуации и опыта человека, возможны и другие концепты этого уровня категоризации. Поэтому все концепты этого уровня можно выразить формулой: $X_1 + X_2 + X_3 + X_n$, где X обозначает новый концепт, который возникает в результате субкатегоризации, а n обозначает неограниченное число элементов, которые могут быть развиты на этом уровне.

Понятие «сильное физическое страдание» можно подразделить таким же образом:

- Физическое страдание, вызванное болью: *Jauniņa zobārstīte izcili uzmanīgi pildīja savu pienākumu, jo Jura mute bija viņas eksāmena darbs, un viņu ļoti uztrauca, ka sava pacienta sejā viņa visu laiku redzēja negantās **mokas**.* [A. Jakubāns, Tango (1980)].

- Предсмертные муки. По-видимому, такое развитие понятия возможно благодаря идее интенсивности, заложенной в его структуру: *Матрешина любовь кончилась ужасно – она **умерла**. Загадочно, **в** страшных **мучениях**. Никто из докторов не мог спасти* [И. Грекова. Фазан, На испытаниях, 1990]; *– Neraudi, – blakus pēkšņi izrādās papucis un apņem Billes plecus. – Klusu tēvs tik ļoti **mocījās**. Viņam tagad viegli un labi. Viņa **mokas** galā.* [V. Belševica, Bille, Jumava, Rīga 1995.]

- Родовые схватки: *Больше того, роды для нее казались не **мука**, а удовольствие: Ума сама сказала, что хотела бы стать рыбой, чтобы дети вылетали из нее одним за другим, как икринки.* [А. Григоренко, Ильгет. Три имени судьбы, «Урал» 2013]; *Līdz pat 21. gadsimta beigām cilvēki vairojas tepat kā dzīvnieki, bērnus varēja **dzemdēt** vienīgi sievietes, un parasti tas notika milzīgās **fiziskās mokas, dzemdības** sievietes bieži vien mira.* [A. Tīfentāle, Galvenā balva – ceļojums divatā, Pētergailis, Rīga 2001].

- Страдания от голода: *И я тогда думал: ну кто вот у нас **мучился с голоду** сильнее меня?* [А. Терехов. Мемуары срочной службы (1991)]

- Страдания, вызванные бессонницей: *Miegs joprojām nenāca, taču viņš nebija salauts un nonācis kā citkārt, kad **mocījās ar neguļu**, – tiklab pagātnes atceres, kā tagadnes izjūtas bija ļoti skaidras, itin ka arī viņu būtu atveldzējusi un spirdzinājusi lietus gāzma un nakts elpas svaigums.* [R. Ezera, Zemdegas (1977)].

- Сильный физический дискомфорт: *На деньги, заработанные сегодня, Алёша мог бы, наверное, купить новую лежанку и не мучиться по ночам, задирая ноги, как в гамаке.* [В.Г. Распутин, *Новая профессия* (1998)]; *Esmu no tiem vīriesiem, kas spiesti skūties pat divreiz dienā, un, ja neesmu noskuvies kaut vienreiz, strauji sadīgušie rugaji sagādā manai ādai neciešamas mocības.* [P. Bankovskis, *Labais vienmēr uzvar (010 Rainis ir miris)*, Atēna, Rīga 2002].
- Страдания от болезни. Этот концепт в основном выражается глаголами *мучиться* и *mocīties*: *С пальцем беда, вторую неделю мучаюсь. Хочу в городе врачу показать.* [А.Н. Арбузов, *Таня* (1938–1947)]; *Ja bija kārtojamas kādas darīšanas, uz centru pa reizei atnāca Purmaļu saimniece Marija, kura kopš jaunības mocījās ar ausu kaiti* [Anna Skaidrite Gailīte, *Augšzemē dzirdētais (Elzas monologs)*, Zvaigzne ABC, Rīga 2006.].

Среди понятий нижнего уровня категоризации можно упомянуть еще одно, не связанное непосредственно с представлением о физической или психической боли, но все же актуализирующее другие смыслы, включенные в концепты более общего уровня «интенсивность» и «дискомфорт»: «безуспешно выполнить какую-то трудную работу» и «приложить большие усилия». Можно привести несколько примеров, в которых эти смыслы реализуются:

Это были так называемые флаги, которые следовало достать во время экзамена и сделать при этом вид, что ты вот только что, в диких мучениях, написал ответ... [А. Житков, *Кафедра*, 2000]; *Nē, nevajag, man jau ir, nu ir gana, negribu vairs piepūli, negribu mokas, man pietiek ar to, kas man jau ir.* [V. Melgalve, *Prozas lasjumi: klātienē un nklātienē (Lasišanas geometrija)*, Dienas gramāta, Rīga 2006.].

Концепты этого уровня также можно выразить упомянутой выше формулой.

В целом, эти результаты можно обобщить, используя следующую модель субкатегоризации:

Рис. 1. Модель субкатегоризации русского концепта «мучение» и латышского концепта «mokas»

Модель субкатегоризации, представленная таким образом, учитывает несколько шагов субкатегоризации, а также соответствует главному условию субкатегоризации: атрибуты, которые появляются на верхнем уровне категоризации, должны сохраняться и на нижних уровнях категоризации, в дополнение к атрибутам, специфичным для субуровней. В этом случае атрибутом является синкретизм физического и психического состояния.

В процессе познания и выражения мысли делается выбор среди различных концептов нижнего уровня. Однако они не исключают друг друга: концепты разных типов могут быть выражены в линейной последовательности, или, если говорить о выражении мысли, слова, вербализующие эти концепты, могут вступать в синтагматические отношения.

До этого не было выявлено никаких различий между латышскими и русскими концептами. Однако дальнейший анализ показал, что эти концепты не идентичны и существуют некоторые различия в области культурных смыслов. Например, только латышский концепт *mokas* содержит смысл «мучение во время допроса, инквизиции»:

Pašlaik es neticamā kārtā biju izklūvis brīvībā, aiz sevis atstājoj smagās moku kambara durvis, nāvienieku kameras nepārzāģjamos režģus, sitēju trulās sejas, bet tagad kā pasakā varu mierīgi skatīties, kā sieviete man cenšas sagādāt kaut mazumiņu prieka. [E. Lukjanskis, *Kam neskanēs zvans*, Zvaigzne ABC, Rīga 2006].

Tie lika ciest kā moku rīki, un tie bija ilgi gaidītais atveldzes malks. [N. Ikstena, *Dzīves vīnēšana* (1998)].

Другое различие, выявленное в результате анализа, заключается в нескольких специфических смыслах, гораздо более актуальных для русской модели категоризации:

- Муки творчества: *Он со страхом говорил о неслыханном мучении для писателя, когда он начинает претворять это озарение в слова* [К. Г. Паустовский, *Золотая роза* (1955)]. *Вы только вообразите обстановку: Серов, Врубель, Рерих, Нестеров – все ищут, мучаются, находят* [В. А. Солоухин, *Письма из Русского музея* (1966)].
- Чувства, связанные с христианской идеологией мучений, согласно которой страдания за Иисуса Христа и христианскую веру являются почетным выбором, гарантирующим, что мученик после смерти попадет на небеса. Этот концепт культурно значим (см. Таширева, 2015): *Вспомните первых христиан: они шли на муки за веру свою, на костры восходили, к лютым зверям в клетки с молитвой святой входили* [Б. Васильев, *Были и небыли. Книга 1* (1988)].
- Идея ада, также связанная с христианской верой, но которая может проявляться и в повседневных ситуациях: – *Этот Петр говорил, что в рай люди попадают, если ведут праведный образ жизни, а в ад – если грешат. – В раю быть должно блаженство, а в аду – мучения*, – задумчиво проговорил Комедиант. [Е. Хаецкая, *Синие стрекозы Вавилона/Семеро праведных в раю господина*, в: Е. Хаецкая, *Сочинения: В 5 томах*, 2004].

В ходе исследования был выявлен сложный набор концептов. Наиболее очевидный вывод заключается в том, что способ субкатегоризации зависит от ситуации, намерения говорящего и культурного контекста. Это позволяет рассматривать человеческую таксономию как живую, постоянно развивающуюся сеть, которую можно изучать не только посредством эксперимента, но и посредством описания конкретных моделей субкатегоризации, таким образом получая более целостные и, значит, достоверные данные о мышлении человека. Более того, основные пути субкатегоризации, определенные в этом исследовании, указывают на наиболее возможные пути создания новых концептов. Решающими факторами создания новых концептов обычно являются регулярность субкатегоризации, а также важность ситуации, в которой возникает концепт.

Выводы

Это исследование показало, что в целом субкатегоризация русского и латышского концепта «мучение» связана с дальнейшей конкретизацией концептов «сильные психические, душевные страдания» и «сильные физические страдания». Субконцепты, которые появляются в этом случае, в основном ситуативны. Однако, если ситуация часто встречается и хорошо знакома группе людей, возможно возникновение нового отдельного концепта. Концепт «муки творческого труда» может осмысляться именно так. Исследование также показало, что на процессы субкатегоризации могут влиять культурные особенности, а также то, что смыслы, выработанные одной культурой (например, связанные с христианством в русской культуре) могут не развиваться в другой, хотя и похожей, культуре.

Из этого следует, что анализ контекстов является продуктивным способом определения основных путей субкатегоризации концептов, хранящихся в человеческой памяти. Дальнейшая исследовательская работа может быть направлена на получение более полного представления о том, как функционируют концепты. Для этого могут быть рассмотрены различные группы концептов: абстрактные концепты, связанные с важными идеями («свобода», «истина», «любовь»), концепты физических объектов, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни («ручка», «цветок», «солнце»), общие понятия («предмет», «атрибут», «действие») и другие. В целом, это исследование подтверждает идею о том, что изучение человеческого разума посредством языка дает возможность углубить наши знания о проблемах, которые в основном изучаются в лабораториях, тем самым преодолевая ограничения, связанные с этим традиционным подходом.

Литература

- Ellis N.C., *Essentials of a Theory of Language Cognition*, "The Modern Language Journal" (National Federation of Modern Language Teachers Associations, Medford, Chichester, Singapore) 2019, vol. 103, pp. 39–60.
- Evans V., *A Glossary of Cognitive Linguistics*, Edinburgh University Press, 2007.

- Fauconnier G., Turner M., *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, Basic Books, New York 2002.
- Guļevska D., Rozenštrauha I., Šnē D., *Latviešu valodas vārdnīca: 30 000 pamatvārdu un to skaidrojumu*, Avots, Rīga 2006.
- Jackendoff R., *A User's Guide to Thought and Meaning*, Oxford University Press, 2012.
- Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, University of Chicago Press, Chicago 1980.
- Langacker R.W., *Cognitive Grammar: a Basic Introduction*, Oxford University Press, New York 2008.
- Kross E., Berman M.G., Mischel W., Smith E.E., Wager T.D., *Reply to Iannetti and Mouraux: What functional MRI responses to physical pain tell us about why social rejection "hurts"*, "Proceedings of the National Academy of Sciences", 2011, vol. 108, no. 30, <https://doi.org/10.1073/pnas.1107241108>.
- Murphy G.L., *The Big Book of Concepts*, MIT press, 2004.
- Rosch E., Lloyd B., *Cognition and Categorization*, Lawrence Erlbaum Associates, New York 1978.
- Solso R., *Cognitive Psychology*, 8th Edition, Pearson, Harlow 2014.
- Кубрякова Е.С., *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*, Языки славянской культуры, Москва 2004.
- Кузнецов С.А., *Современный толковый словарь русского языка: более 90 000 слов и фразеол. выражений*, Норинт, Санкт-Петербург 2002.
- Степанов Ю.С., *Константы: Словарь русской культуры*, Академический Проект, Москва 2004.
- Таширева Е. *История словесного ряда «мука, мучение, мучиться» в русском языке: Бакалаврская работа*, Латвийский Университет, Рига 2015.

How subcategories can be verbalised in language: The Latvian concept "mokas" and Russian concept "мука"

Abstract

Analysing memory content through concept description is an important realm of human cognition studies. Findings in this area can shed light on the peculiarities of cultural, social, and even individual worldviews. However, dividing the contents of the mind into static and dynamic aspects can lead to distortion and a lack of understanding of the holistic nature of human thinking. The purpose of this study is to demonstrate one possible approach to analysing mental content in its development, while also considering its current state. It is achieved through the description of subcategorization processes of the concept 'torment' (Latvian *mokas*, Russian *мука*). The main method used in this study is contextual analysis, applied to data collected from Latvian and Russian language corpora. By analysing the contextual meanings of the words 'torment' and 'to torment' (Russian: *мука, мучение, мучиться*; Latvian: *mokas, mocības, mocīties*), the main subcategorization tendencies are identified. Both the concepts *mokas* and *мука* are categorised as representing 'strong physical suffering' and 'strong mental suffering', with further distinctions of those senses. For instance, concepts such as 'suffering from starvation', 'strong physical discomfort', 'suffering from love and/or jealousy', and 'writer's inability to express the idea' were identified. The main difference in the subcategorization of the Latvian and Russian concepts is the existence of concepts related to Christianity

among the subcategories of the latter. A similar analysis, carried out on additional linguistic material, can provide further insight into human mental activity in relation to present-day life experiences.

Keywords: subcategorization, concept, contextual analysis, corpora, human thinking

Как субкатегории могут быть вербализованы в языке: латышское понятие «mokas» и русское понятие «мука»

Резюме

Анализ содержимого памяти посредством описания концептов является важной областью исследований человеческого разума. Результаты в этой области могут пролить свет на особенности культурных, социально-групповых и даже индивидуальных мировоззрений. Однако разделение содержимого разума на статические и динамические аспекты может привести к искажению и отсутствию понимания целостной природы человеческого мышления. Целью данного исследования было продемонстрировать один из возможных подходов к анализу содержимого человеческого разума в его развитии, в то же время уделяя внимание его текущему состоянию. Это было достигнуто путем описания процессов субкатегоризации концепта «мука» (латышское *mokas*, русское *мука*). Основным методом, использованным в данном исследовании, был контекстуальный анализ, примененный к данным, собранным с использованием корпусов латышского и русского языков. На основе контекстуальных значений русских слов *мука*, *мучение*, *мучиться* и латышских слов *mokas*, *mocības*, *mocīties* были выявлены основные тенденции субкатегоризации. Концепты *mokas* и *мука* определены как «сильные физические страдания» и «сильные душевные страдания» с дальнейшим разделением этих значений. Например, были выявлены такие концепты, как «страдание от голода», «сильный физический дискомфорт», «страдание от любви и/или ревности», «неспособность писателя выразить идею». Основным отличием субкатегоризации латышских и русских концептов является наличие концептов, связанных с христианством, среди субкатегорий последних. Подобный анализ, проведенный на другом языковом материале, может дать больше понимания о деятельности человеческого ума здесь и сейчас, в связи с текущим жизненным опытом.

Ключевые слова: субкатегоризация, концепт, контекстный анализ, корпусы, человеческое мышление

Екатерина Таширева

3-й курс докторантуры, программа «Изучение языка и культуры»

ORCID: 0009-0001-0357-0303

Латвийский Университет

e-mail: jt10045@edu.lu.lv

Jekaterina Tasireva

student of doctoral study programme “Language and Culture Studies”

University of Latvia